

У
Н
И
В
Е
Р
З
И
Т
Е
Т
С
К
И
О
Т
Е
К
А

Ш О Д У Н А В К А

№ 9.

Београдъ 28. Фебруара.

1847.

С Л О В О н а С В Е Т О Г А С А В У (Продуженіе.)

Када пазливый погледъ на цело устройство нашего земнога круга са свима нѣму принадлежеима створеніама обратимо; кадъ наше собственно, человеческо быће одъ колевке до гроба са испытуюћимъ окомъ пропратимо: то ћемо се оцда на велико наше удивленѣ тврдо осведочити, да е овай гордый господарь земль, овай савладатель люты' одъ нѣга тѣлесномъ снагомъ много ячи' зверова, и тако рећи неограниченый владатель судбій свию мртвы' и живы' природны' производа, — да е, велимъ, овай велеможный гигантъ, кои и саму силу елемента, и нѣювы' штетны' на нѣга утицаня или сасвимъ победити или ослабити и безвредну учинити може, при своме долазку на овай светъ появленія, едно тако кукавно створенѣ, да се дуже времена ни съ места на место произвольно покренути неможе, а камо ли средствомъ свой тѣлесны' малы' сила поменути и друга чуда починити, и свое личности право, о коме остала природа ни трага одъ понятія нема, утврдити, себе у благостанѣ поставити може. Но при овоме погледу и безпристрастномъ сваѣаю примећеногъ и изъ овога препростымъ подаваюћимъ се заключеніемъ изведеногъ погльдства, може ли быти, да се и найприсебнии, само све ясно себи представляюћий сматратель поражаваюћомъ силомъ овы' противностей неупренисти, и у свомъ душевнсмъ покрету велегласно себе пезапыта: Каква дакле то исполниска моћь быти може, коя чисто и саму природу надвлађуюћи таково иначе слабо, и найвећима потребама окружено, найвећима опасностима изложено створенѣ опетъ господаромъ света учинити, опетъ на не-

кій степень ствараюћегъ и управляюћегъ божества уздѣни може?! И опетъ за то, надамъ се, свакій, кои е само мало природу человеческу испытуюћимъ зоромъ посматрао, и са историомъ човечества неле узнао се, одма ће лако ову на првый погледъ неразрѣшимомъ чинѣшу се загопетку себи растолковати, одма ће себи на ово велико пытанѣ задоволяваюћий одговоръ дати моћи, будући ће одъ полудневне светлости яснѣ увидити, да е сва она чуда, коя се разуму човеческомъ збогъ грдны' премда само мнимы' противословія непостижима быти виде, едино пробућиванѣ, подранѣиванѣ, негованѣ, изоштраванѣ и управлянѣ умне у човеку само као мируюћа способность налазеће се моћи, — одма ће, велимъ, увидити, да е сва та непостижима появленя, едино изображенѣ, едина просвета, ярко ово и благодетно сунце свеколикогъ успѣваня човеческогъ произвела.

Но просвета, да бы права и свога имена и опредѣленія човеческогъ достойна была, мора свестранна, мора колико е можно савршена просвета быти, и као што величественно сунце на све свое светове богате излива зраке, — на целогъ човека и нѣговъ животь свое благодетне луче распространяти. Премудрый твораць, кадъ е овай свой земный створъ своимъ чувственымъ одблескомъ, исвромъ свое божествене умности одаренымъ човекомъ увенчао, да бы овога участникомъ блаженства свога учнию, усадію е у нѣга клице савршенства како тѣлесногъ тако и душевнотъ. Просвете дакле, коя е изливъ божества, и скупа посредственикъ божіе съ човекомъ намере нимало маный задатакъ быти неможе, него да овай производъ благости божіе, подранююћи, негуюћи и уздижући нѣгове по природы само у семену и клици налазеће се способности, до нѣговогъ Творцемъ наменутогъ му опредѣленія доведе.

Премда е вешество безъ духа нѣга оживотворяюћегъ, мртво, разтрѣпо и коначномъ разрушеню подложно, — и по томе съ безсмртнымъ, животворнымъ духомъ ни съ кое стране успоредити се не може: то опеть, будући е премудрый саздатель, кои е целу нама познату природу безконачномъ различношю свои створеня украсію — свое земальско умно створенъ у овомъ чувственомъ свету произвести благоволю, то опеть, велимъ, истина просвета не може ни маѣ важнѣю, но на свакій начинъ праву саставну часть човека пренебрегнута оставити. И само безсловесно животно, кога су цѣли живота врло ограничене, сасвимъ е несравнѣно у своје быту напреднѣе, а и нама самыма за самы поглядъ прѣятнѣе се появлюе, кадъ е благонаклонношю природе све свое тѣлесне части до определногъ му степеня савршенства развило и изобразило. Колико пакъ и сама умна дѣятельность човека неразвѣнемъ тѣлесны способности и сила, колико слабшошю тѣлесногъ организма сметена, ограничена и угнѣтена быти може, свакій се изъ дневногъ честократнога искуства уверити може, ако и небы на то поглядати тео, да само съ теломъ саюженный духъ целогъ човека, и само у здоровомъ телу здрава душа савршеногъ човека сачинява. Духъ человеческій само посредствомъ тела, као нужногъ орудія свое дѣятельности, може са споляшнѣмъ светомъ у саобраћанъ доћи и тако свою личну дѣйственность према овоме появлявати. Што дакле савршеніе ово орудіе саобштавана быва, то са тимъ человекъ не само точнѣя впечатлѣнѣя одъ споляшнѣгъ света прѣима, него іошть къ томе у станѣ поставля се, да съ нѣмъ овладати и нѣга на свога живота цѣли згоднѣе употребити може. Каква и одъ како велике важности у безконачно различныма живота отношеніама появити се може полза надлежнымъ упражняванѣмъ изоштреногъ ока или уха, на какву ли свою собствену и другій люди не накладиому помоћъ врло често послужити могу упражняванѣмъ укреплѣне мищице и за подужій наглѣн потрѣкъ навѣянуте ноге, кои' обои' а нарочито првы' цѣли сходно гимнастичество оячаванѣ целоме тѣлу поредъ болъ виткости тврѣшу сталность, поредъ лагане окретности мушку крепость, поредъ неисказане отуда за животь и цѣли ума проистачуће користи, человеку и неко споляшнѣ одличіе и достоинство давати мора.

Но каошто е просвете правый кругъ дѣйствованя и управъ безусловный живаль умность;

иѣкао што живый и дѣйствующій духъ надъ мртвымъ и тромымъ тѣломъ нужно првенство имати мора: тако у толико и снажнѣе и обиятнѣе небесне ове кѣри утицаѣнъ на изображенъ душе, ове несравнѣно благороднѣе човека части, и правый духовный човека животь имати мора.

Художественно устроена надъ грубомъ вештвенношю узвышена природа човека непотреса се само прѣятнымъ или непрѣятнымъ осећаняма, коя се на уживанѣ тѣлесно или овога сметанѣ и узнемираванѣ односе; она се по своје духовномъ свойству и самымъ чисто духовнымъ, она се самомъ представомъ узбудити и и овогъ узбућеня посредствомъ чувства свестна постати може. До каквогъ одушевленя не може доћи основаномъ надеждомъ скорогъ развитка свога предрогогъ отечества питаюћій се родолюбаць; съ каквымъ обаявающимъ задовольствомъ ужива трепутаць облагороћеный вкусъ имаюћій сматралаць величествены' и красны' производа природе и искусства; каква ли блажена радость облива душу юначкогъ добродѣтели ревнителя, кадъ правду, кадъ добродѣтель своимъ пожертвователнымъ садѣйствомъ надъ силномъ пакленомъ злбомъ увиди триумфируюћу; какавъ ли на противъ стра', какви ли отровни угриси раздиру утробу подлога іоште природу человеческу у нечемъ задржавшега зликовца или на какво зло спремаюћегъ се заблућеника? — Но будући да ови потреси духовногъ живота — кои надлежно изображени и управлѣни како ко узвышеню человеческого личногъ достоинства, тако и за живота нѣговогъ цѣли свою благодѣтелну приносе часть, — будући, велимъ, кадъ се потреси они или у превеликой ячини као претерана чувствительность, или у слабопримѣтной, као нечувствительность, появе, одъ части разорительно на целый душевный и тѣлесный организмъ човека подѣйствовать, одъ части человеческо достоинство поробити могу: то у овомъ погледу праве просвете и истинитогъ изображеня озбыльный задатакъ быти мора ову моћъ нашу душевну по свима гранама одъ части побудити и оячати, одъ части развити и изобразити, одъ части управи разума подчинити.

(Продуженіе слѣдую.)

О БЪЗКУ СЛАВЯНСКОМУ.*)

(Продуженіе.)

Али хвала првога о тому покушеня остае свагда неумрлому пѣснику, кои е прве такође

*) Г. Учрерникъ каже, да има шесть кобкаквы правописа, коима се іошть и данасъ служе разни югославянски писатели, латинскимъ словима пишући, а не само два, као што е было одъ мене наведено. И имамъ ту погрѣшку, да лако невѣруемъ, чега ради молимъ г. Учредника да

и родолюбия искре у ербска срѣца метнуо: Мушицкому. Позната е она пѣсма, кою е онъ написао азбукомъ изъ кирилски и латински писмена сачинѣномъ. За оно време, у кое общта преразсудія морала су постављати много веће препоне него сада преимаченяма и новостима, овај коракъ бы одъ велике смѣлости, и само Мушицковъ великій и крѣпкій духъ мого га е, прѣзирајући мнѣніе пизки умова, предузети. Исто се има мыслити у смотреню езика о Доситею; и особитога е примѣчана достойно, да ова два отца нове ербске књижевности покушали су, првѣи дати свему ербству у общте еданъ истый правописъ, а другѣи еданъ самъ књижевный языкъ.

Ево смо ступили къ концу првога питаня, кое смо у овому чланку предузели: видилисмо да се польскій, чекскій и словачкій языкъ налази у другому періоду свое историчне бытности; да языкъ рускій намазивши се пріе у тому истому періоду, сада се повуко еданъ коракъ на-

не одрекле изяснити ми што слѣди: I. кон су ти правописи, и у чему се межу собою разликую? II. да ли се исти употребљаваю у књижевнымъ язикама, о коима, као што свакъ зна, мы единствено у нашему чланку говоримо? III. да именуе не више, него два, и то слабо одлична писателя, кон се свакога одъ ти правописа придржаваю; ерѣ г. Учредникъ разумѣва, да еданъ правописъ са ивѣднимъ, или само са еднимъ и то незнатнымъ, слѣдователѣмъ, не може имати никакву историчну важность у књижеству, да смо га мы морали брѣнѣти межу друге, кои имаю послѣдователя на стотине, или су у общтету мнѣнію важни, као што е правописъ Вуковъ; IV. да изложи коя су дѣла, и гдѣ су иста печатана тѣмъ разнымъ правописима, и да су печатана у овој, или прошлой години; али не даѣ, ерѣ у тому смотреню свака година доноси намъ велики промѣна? — Ако то све али безъ взятія г. Учредникъ узможе доказати, а ѣу се самъ безъ никаква затезаня предати за побѣдена, и благодаритѣ ѣу му, што ме е извѣстіо о одной истини, кон ми е была непозната; ерѣ при истини мое своелюбіе ѣути. — †) Не одговарамъ на друге две примѣтѣ; едина бо е само пецава за г. Павловнѣа, прама коему увѣрилисмо се више пута изъ наши новина, да нашъ г. Учредникъ нѣ najboljъ разположенъ; а друга несадржава никакво опроверженъ, но само одну сумню, кон намъ се не види много умѣтна, а да право кажемо ни много оштроумна.

Б.

†) На ова мало диктаторска питаня Учредникъ нит' има вољѣ нит' времена одговарати. Онъ оставилъ другима, кон се одъ постанка свога съ нашимъ литературомъ занимаю, да пѣгово наводенъ потверде и докажу, да ли е онај човекъ у станю историческій развѣтакъ езика нашега опредѣљавати, кон е юче истый языкъ учити почео, а до данасъ за нашу литературу ништа ни знао нѣ? Межутѣмъ не може пропустити, да г. пытача опетъ, по свое начину, неупути, да размотри: конъ се правописомъ пишу и уче вѣнге у школама римокатолич-

трагъ; а езичи югославянски да са послѣднѣга періода къ среднѣму ступаю, и да е свима, ако и далеко и юштъ не ясно, али опетъ природомъ и околностима опредѣљно средоточіе, на рѣчїе ербско. О овому нарѣчїю изложили смо не najboljъ, него како смо boljъ умѣли, неке историчне и разсудне черте, описуюћи три главна мнѣнїа, межу коима се нашъ књижевный языкъ колеба, и изложивши найвѣшимъ непристрастїемъ, али и безъ никаква затезаня, оно, што о ѣима мыслимо, што намъ се у ѣима добро што ли несавршено види. Тежко да ѣе се кому ове мысли допасти; ерѣ свайѣи человекъ хтѣо бы да се само добро о ѣмъ каже, а оно, што добро нѣе, да се преѣути; али мы опетъ хтѣли смо казати чисту истину, то естъ, онаку, какву е нашимъ очима опазуемо, и таку смо ю казали. У књижеству нема быти ласканя, нема быти прїателя ни непрїателя, и малоуманъ е свайѣи списатель, кон изъ мрзости, изъ привржености приватне, или изъ страха говори оно, о

нимъ по Славонїи? конъ се правописомъ пише Деница Загребчка? кон е то правописъ, за кон су се ономадне ставови (die Stände) у загребчкой вармеѣи отимали? кон е то правописъ, конъ већа часть словенски (крайнски и штаврски) списатели, изузимаюћи Кметїйске Новнѣе, пише? кон е то правописъ, конъ се служи Зора Далматинска? кон е то правописъ, кон Дубровчани и данасъ употребљаваю? кон е и тај тако названый органичнїи правописъ? па и у овоемъ кон е то, што налаже, да се пише kàrv, кон — kèrv, кон — krv? кон е то правописъ, основаный г. Рубовиномъ? кон е изъ после и онај правописъ, конъ се истый г. пытачъ до юче, кадъ е у Србїю дошао, служїоа и данасъ по већој части служїи? Естъ, естъ! Има ѣи више, а не само шесть, како у Учредникъ примѣтїо, и кадъ бы даѣ изтеривали, можда бы и кое туце изшло! Но не треба да се человекъ тако ако жести, кадъ му ткогда примѣти, да нема право! Аrogанцїа нигдѣ, а наймаиѣи у литератури мѣста нема. У осталомъ врло ѣе намъ жао быти, ако се изъ ове невинне ствари породе канва мрзост или непрїательство, конъ е г. Б. у своима одговорама већѣ дисати почео. Мы нѣсмо ишли противъ ѣѣга съ нашимъ примѣтѣама, но желали смо само, кадъ се съ наше — источне — стране све одкрива, да еи съ ѣѣове — западне — такоже све одкривено. Тво ѣе намъ овде што замѣрити? И самъ г. Б. као родолюбацъ мора признати, да смо право имали. —

Погрѣшитѣе павѣ свайѣи, кон бы помыслио, да се Учредникъ овима примѣтѣама радуе књижевномъ раздору западне браће ваше. Боже сачувай, онъ то горко оплакуе, и тужи не само, што они межу собою, но што и съ нама вису сложив, па да намъ de facto една литература буде, као што смо и еданъ народъ! —

Што г. Б. даѣ вели, да Учредникъ нѣе добро разположенъ према г. Павловнѣу, то нема право. Учредникъ е прїатель добра и любви истину, па „добро и истину“ противъ свакога брани, а ако и у найвѣшемъ непрїателю што добро примѣти, то похваљуе. Тако е и съ г. Павловнѣемъ. — Како среѣна наша, да свайѣи уме свои страсти обуздати! — —

У.